

Надежда Мамаева

АКАДЕМИЯ ТЕМНЫХ ВЛАСТЕЛИНОВ
ИНТЕРВЬЮ ДЛЯ МЭРИ СЬЮ. РАЗДРАЗНИТЬ ДРАКОНА
ЧЕРНАЯ ВЕДЬМА В АКАДЕМИИ ДРАКОНОВ
КАК ИЗБАВИТЬСЯ ОТ НАСЛЕДСТВА
В ВОЕННУЮ АКАДЕМИЮ ТРЕБУЕТСЯ

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Надежда Мамаева

В военную академию требуется

Фэнтези • Любовный роман • Юмор

Роман

Москва, 2019
 SARMA
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
М22

Серия основана в 2011 году
Выпуск 456

Художник
Л. Клепакова

Мамаева Н. Н.

М22 В военную академию требуется: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019. — 281 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-2920-2

Где спрятаться изворотливой контрабандистке с темным даром, если та мимоходом (ну самую малость!) нарушила закон и теперь за ней по пятам идет инквизиция, чтобы пригласить на зажигательную вечеринку с костром и толпой зрителей? Конечно же там, куда ее преследователям путь закрыт, — в Военной магической академии! И пусть набор в оную уже завершен, а ректор совсем не жаждет брать нового кадета, Крисро, чтобы поступить, готова на все: подкуп, шантаж, вымогательство и даже... учиться.

Вот только сокурсники попались ей жутко злопамятные, мстительные, а юмор у них, несмотря на светлый дар, исключительно черного оттенка, но это уже мелочи, не стоящие внимания. Как и то, что сильнейший ученик академии, белый маг, хочет слегка убить Крис. И не сказать, что совсем уж безосновательно...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Мамаева Н. Н., 2019
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019

ISBN 978-5-9922-2920-2

ПРОЛОГ

Год 13257-й от пришествия драконов

— Любовь — замечательное чувство. Именно благодаря ей никогда не опустеют дома скорби. А еще — всегда будут осужденные для работы на рудниках.

С этими словами стражник, уже немолодой воин, чье лицо было расписано паутиной шрамов, последний раз ударил плетью сгорбленную спину в рваной робе. На серой, пропитанной пылью ткани расцвела еще одна алая полоса.

Конь под стражником загарцевал. Ушами жеребец не стриг, больше опасаясь норова своего наездника, чем вида крови.

Заклоченный сжал бледные бескровные губы и зло глянул. Но тут его дернула цепь, которой были скованы все сорок осужденных. Она соединяла железные ошейники, что окольцовывали каждого из каторжан. Вереница, звеня кандалами, шла вперед, навстречу собственной долгой и мучительной смерти в горах Мертвого Серебра.

Стражник покачал головой. Этот взгляд он знал. Непокорный. Гордый. Несмирившийся. Отчаянный. Тот, чей пыл он только что остудил плетью, еще недавно был магом. Сильным (аж девятый уровень!), в меру богатым и не в меру влюбленным.

А сейчас на его счет стражником был получен негласный приказ начальства: «Заклоченный номер шестьсот тридцать девять, Вицлав Кархец, должен умереть по пути на рудники».

Стражнику отчасти было жаль этого молодого дурака. Вряд ли он готовил заговор против его императорского вели-

чества Тонгора Первого, как утверждал свиток с приговором. А вот о том, что на красавицу-супругу Вицлава положил глаз главный инквизитор империи, судачил весь стольный Йонль. Да и далеко за его пределами. Если бы лэрисса Кархец ответила благосклонностью Черному Ворону, как в народе прозвали верховного инквизитора, то не был бы сейчас ее муж в кандалах.

Но увы. Она оказалась верной и любящей супругой. В общем, идиоткой. Потому что есть те, кому не отказывают. Вот Черный Ворон и прокаркал своим верным псам. Те быстро организовали и липовый заговор, и доносы, и свидетелей... Настоящим был лишь приговор — двадцать лет каторги на рудниках в горах Мертвого Серебра и полное отнятие магии с наложением печатей, запирающих светлый дар у всех потомков рода Кархецов до седьмого колена. То есть ровно до того времени, пока сама память о Вицлаве и его неосмотрительной супруге не сотрется. По сути, плаха на площади — и та была бы милосрднее.

Вот только не добился верховный инквизитор того, чего так желал: Ева Кархец исчезла из столицы, словно в бездну провалилась, едва был озвучен приговор.

— Из шахт Трезубца Смерти живыми не выбирают. Не зря их так прозвали. Да и весь этот серебряный хребет, будь он неладен... — спокойно и даже как-то устало промолвил стражник и потянулся к поясной фляге. — Смирись, запечатанный. Смирись и покорись, а иначе и до рудников не дотянешь. Скоро равнина закончится, начнутся горы. А там — узкие тропы и крутые обрывы. Сгинешь в одном из них... случайно.

Не хотелось стражнику, повидавшему на своем веку немало, брать на душу еще один грех. Пусть Кархец дойдет живым. А там уж как госпожа Смерть или Эйта распорядятся.

Словно вторя его мыслям, на обочине дороги появилась безумная старуха. Она что-то кричала проходящим каторжникам и стражам, потрясая клюкой.

«Демоновы темные! — Всадник осенил себя небесным знаком рассеченного надвое круга. — Вот только помяни да-

рящую безумие, и ее жертвы тут как тут. А может, не только жертвы, но и сама рыжая!»

Он глянул на стоящую у обочины. Лицо сморщенное, словно печеное яблоко, крючковатый нос с бородавкой и горбатая спина... Она будто вышла из легенды про старуху Зиму, что забирала жизни юных дев, чтобы вновь стать молодой.

— Придет время, заговорят горы! — между тем кричала блаженная. — И из пещеры выйдет дитя...

Тут она увидела запечатанного мага. А он — ее. И вздрогнул.

— Ты! — возопила сумасшедшая. — Ты — злой демон, вырвавшийся из бездны. Умри!

Вытянув руки со скрюченными пальцами, она бросилась на Кархеца, желая его задушить, и уже достала до его шеи. Но стражники бдили. Правда, угрозы в блаженной не видели, но пару раз со смешками прошлись плетками по ее бокам, отгоняя от вереницы осужденных.

Магии в старухе не было, иначе бы сработали упреждающие защитные амулеты. Зато ее нападение — какое-никакое развлечение в этот серый осенний день, когда небо еще не решило, разродиться ли ему мелким морозящим дождем или продержаться смурным до вечера.

Караван ушел, а старуха так и стояла, крича вслед веренице осужденных. И все бы ничего, если бы запечатанный маг не узнал в старухе свою жену. Красавицу Еву, что блистала на лучших сценах империи, играя роли благородных лэрисс, принцесс и простых юных горожанок, в которых обязательно влюблялись прекрасные драконы...

Да, его Ева была актрисой. Ей рукоплескали полные залы стольного Йонля. Да, она родилась в Ситном квартале, у нее не имелось ни ветвистого генеалогического дерева, ни солидного счета в гномьем банке.

«Мезальянс! Что скажет свет?» — всплеснула руками матушка, узнав, что ее сын намерен жениться на актрисе. «Не позволю!» — взревел лэр Кархец. Но Вицлав все же надел на запястье Евы брачный браслет вопреки воле родителей. Как

оказалось, красавица-лицедейка вышла замуж не за дворянский титул и состояние (к слову, весьма среднее), а по любви.

И сейчас Ева в образе старухи стояла и провожала взглядом караван. Но, главное, она успела... Успела передать рассекатель пространства своему мужу и шепнуть всего несколько слов. Ей оставалось только надеяться, что у него все получится.

Ева положила руку на живот. Балахон старухи надежно скрывал ее тайну.

— Потерпи, малышка, скоро папа сбежит и будет с нами...

ГЛАВА 1

Двадцать лет спустя

— Держи этого паршивца, уйдет ведь!

Вслед мне полетел пульсар.

Я пригнулась, и огненный шар просвистел над моей головой, врезавшись в дощатую стену. Дерево тут же занялось. Плевать. Главное — уйти. Желательно — с добычей. Очень желательно — целой и невредимой. Хотя последнее с учетом того, что среди караульных оказался маг, весьма проблематично.

Очень даже на руку, что матросня приняла меня за пацана. И понятно почему: опознать в оборванце девушку — задача не из легких. Ну еще бы: потрепанные короткие штаны, не прикрывавшие щиколоток, стоптанные рыжие ботинки, широченная рубаха и выгоревшая клетчатая кепка, под которой спрятались длинные черные волосы, — не совсем тот наряд, который предпочитают лэрииссы.

— Окружай гада! — донесся крик откуда-то снизу и сбоку.

— Да не шмаляйте огнем, господин маг! — тут же взмолился кто-то, находившийся чуть ниже, и его голос звучал столь же тревожно. — Склады же как-никак. Не ровен час...

Обрывок фразы потонул в еще одном ударе. Опять пульсаром. Да что же мне за маг такой попался, озабоченный законом? Нет чтобы о хозяйском добре печься! Сказано же — склады. Одни из самых больших в империи. А он тут пламенем плюется, как дракон, ужаленный в зад гарпуном.

Я промчалась между штабелями, перескочила через мешки и взбежала по ряду бочек.

Едва не поскользнулась на просмоленном боку одной из них, но, балансируя, выровнялась. Правда, это было нелегко, если учесть, что в одной руке я держала саблю из аллурийской стали — прочной, но зверски тяжелой. Хотя последнее, может, оттого, что отточенный как бритва клинок предназначался для сильной мужской руки, а не для тонкой девичьей.

Оказавшись на самой вершине горы из бочек, я бросила взгляд вниз.

Меня и вправду окружили: сзади — матросы, спереди — тот самый ненормальный маг, вознамерившийся во что бы то ни стало поймать наглого пацана. Уйти вбок? С одной стороны — пол. Правда, лететь до него — дюжину локтей. Не меньше. Не убьюсь, так ноги переломаю. С другой стороны — аккуратно составленные друг на друга здоровенные ящики. К тому же последний, венчавший пирамиду, и вовсе стоял боком, едва ли не на весу. Удерживался он лишь перекинутым через потолочную балку и натянутым как струна канатом. В общем, разгильдяйски ящик стоял. На одном честном слове и погрызенном мышами боку. Запрыгни на такой — и легко упадешь, свернув шею.

А за пирамидой из ящичков и вовсе была стена.

Демоны бездны! Очень хотелось просто бросить саблю и удрать. Но за эту железку отцу заплачено. Золотом. Наперед... Ех, тяжела и неказиста жизнь дочери контрабандиста.

Я сделала несколько шагов к ящикам. Наступила на одну из веревок, что удерживали гору бочек, не давая той раскатиться.

— Сдавайся! Ты окружен. Пять лет каторги лучше, чем смерть от пульсара, — прозвучал уверенный голос из луженой глотки.

Замерла на месте. Выпрямилась, чтобы меня хорошо было видно. Чуть склонила голову набок и, играя на публику, даже шаркнула ножкой:

— Сдаться? Хм... Пожалуй...

Я не только тянула время, но и сокращала пространство. Незаметно, переставляя то пятки, то носки, не отрывая под-

меток от просмоленного бока бочки, приближалась к своей цели.

— Вот только мне кажется, господин маг, что сейчас вы теряете ее...

Я чуть повела рукой с саблей. Словно намекая, *что именно* любитель швыряться огнем теряет. Но, судя по всему, мне попался новичок из тех боевых чародеев, что прибыли в порт недавно. Ибо он совершил непоправимую ошибку. Заговорил.

— И кого же «ее» я теряю? — спросил чародей, уверенный, что ситуация под его контролем.

— Возможность получить повышение!

За время нашей короткой беседы я приблизилась к краю бочки, на которой стояла, ровно настолько, чтобы бешеной белкой прыгнуть вбок. Одной рукой схватилась за канат, что был перекинут через балку и на весу удерживал верхний ящик. Снизу рубанула по нему саблей, которую держала в другой руке.

Мое тело тут же взмыло под потолок. Все же я была значительно легче ящика, с грохотом полетевшего вниз на мага. А тот, то ли испугавшись, то ли просто потеряв контроль над пульсаром, швырнул его в бочки.

Как выяснилось, хорошо летать можно не только на метлах и веревках, перекинутых через балки. На роме, который был в бочках и вмиг вспыхнул, тоже, оказывается, ничего так парить получается.

Полыхнуло знатно. Взрывная волна догнала меня как раз тогда, когда я бежала по балке под потолком к выходу. В спину ударило, я потеряла равновесие и полетела вниз. Тело вмиг опалило огнем. Кажется, горела не только кожа и волосы, но и кости. Причем горело — изнутри. Словно пламя текло по моим жилам, вгрызалось в мышцы. Но сильнее всего жгло правое плечо. То место, где стояла магическая печать — «наследство» отца.

До пола я так и не долетела. Когда до настила из горбылей оставалась пара локтей, передо мной разверзлась дыра, и я провалилась в чернильную тьму.

Та оказалась вязкой и горячей, наполненной звуками: свистом, шепотом, шорохом... Мне даже почудился шелест сродни тому, когда змея ползет по сухой осенней листве.

Через мгновение я упала. Земля, или что там было вместо нее, спружинила, но локоть я все равно зашибла. Чудом при падении не расплосовала себе бок саблей, которую все еще держала в руке.

Я встала сначала на карачки, потом поднялась. Вокруг была тьма. Она клубилась, ластилась к ногам, норовила обнять своими загнувшимися щупальцами за плечи. Я отмахнулась, рубанула по ней несколько раз. Что-то взвыло.

Я завертела головой. Кепка слетела с макушки еще при моем грандиозном провале в этот мрак, и волосы разметались по плечам. Они липли к мокрой от пота и грязи шее, создавая ощущение накинутаго на горло удавки, которую вот-вот чья-то рука начнет затягивать. Меня бросило в дрожь, несмотря на то что вокруг было жарко как в раскаленной печи. И было отчего испугаться: во мраке мне мерещились страшные рожи.

- Свеж-ж-жатинка...
- Молодая ведьма...
- Без наставника...

И тут из мрака резко вынырнула загибающая лапа. Когтистая. Узловатая. С неестественно вывернутыми суставами и покрытая редкой шерстью. Она цапнула меня за запястье.

Зря. Приличная напуганная контрабандистка с саблей в руках если и отвечает на такое рукопожатие, то оставляет себе на добрую память ту пятерню, что была ей протянута. Я была приличной до безобразия. А еще потомственной. Поэтому мелочиться не стала и рубанула тварь, отсекая ее лапу по локоть.

Тьма заголосила. Завыла и... засмеялась. Зашлась тем глумливым смехом, что вместе с улюлюканьем несется вслед севшим в лужу неудачникам.

— А малышка не промах, вон как низшего обкорнала... — донесся едва уловимый скрипучий голос.

Куда я попала, бездна раздери? Не успела закончить мысль, как осеклась. А ведь я, похоже, действительно в этой самой бездне и есть.

Испугалась? Нет. Конечно нет, какая глупость! Так, попереживала слегка. И вдруг, отчетливо осознав, куда я попала...

Стоило невероятных усилий не сорваться в бестолковый бег, когда мозг уже не в силах соображать, а ноги несут напрямик навстречу смерти.

Думай, Крис, думай! Что ты знаешь о бездне и о темных магах, кроме того что чернокнижники платят полновесным золотом, но только в том случае, если понимают — перед ними хитрец и ловкач почище, чем они сами. В противном случае норовят обмануть и получить свое за бесценок. В общем, чернокнижники по духу — типичные пираты, только что сухопутные. И вместо острой стали у них заклинания.

Но я-то, дочь Меченого Ви, любому пирату нос утереть могу, не то что темному. Значит, и с демонами договориться есть шанс.

И я приступила к дипломатической миссии. Для начала — заозиралась. Уже не затравленно, а ища жертву для переговоров.

Тьма словно почувствовала и отхлынула.

Я фыркнула от досады. Крутанула несколько раз саблю, проверяя баланс. И тут в расступившихся клубах чернильного тумана среди рыл и клыков увидела что-то мелкое в темном пышном платье, угловатое, с рожками. И это недоразумение бежало прямо на меня!

А вслед этому недоразумению несся грозный рык:

— А ну стой!

Когда в тебя на полном ходу врезаются — это больно. Сию простую истину я познала еще в детстве. И пополнять впечатления тем, что будет, если таран окажется с рогами, не хотелось. Жаль, что плаща у меня не оказалось. Так вышло бы эффективнее. Но все равно получилось неплохо. Увернулась я в последний момент, и беглец, а точнее — беглянка пронеслась мимо. Мы разминулись с ней буквально на ладонь. Правда, уйти далеко ей не удалось: подножка — великая вещь. А не-

ожиданная подножка — еще и вещь эффектная. Впрочем, беглянка не растерялась, а, кувыркнувшись через голову, тут же вскочила и рывкнула:

— Что застыла, ведьма? Открывай портал в свой мир! Зря я тебя, что ли, по всему двадцатому уровню выискивала?

Только удиравший от погони с полуслова поймет удирающего. За этой рогатой гнались. И, судя по всему, не за тем, чтобы ее убить. А это значит...

Отец всегда говорил, что самые удачные дипломатические переговоры получаются, если у тебя на руках есть весомые аргументы. Мой довод в виде аллурийской стали был не очень весомым. Зато самым действенным из всех.

Демоница не успела опомниться, как я схватила ее за запястье и дернула на себя, прикрываясь ею, как щитом. И приложила лезвие к ее горлу.

— Не тронь ее, ведьма! — Демон, что несся за моей новообретенной заложницей, не успел всего на удар сердца.

— Лучше смерть, чем вечность с Рашримом! — пискнула демоница. Ее била крупная дрожь, но явно не оттого, что она испугалась приставленной к шее стали. — Я ни за что не выйду за него! Я сбегу к людям или умру!

Я заскрипела зубами. Вот только ее заявлений тут не хватало! Она вообще-то по задумке должна хотеть жить, а не сдохнуть.

— Ты моя дочь. И ты выйдешь за него замуж, — прорычал демон.

— Если она при этом будет жива, — напомнила я о себе. Все же как-никак я тут должна диктовать условия.

В меня вперились взглядом. Нехорошим таким. Прожигающим. Красненьким.

— Не наглей, ведьма! И не хами. Лучше убери свою железку, — угрожающе протянул демон. — И я обещаю: ты умрешь быстро.

В жизни меня бесят всего две вещи. И одна из них — когда мне говорят не хамить, а я еще даже не начинала!

— Могу то же самое сказать о вашей дочурке, господин демон, — усмехнулась я. — А то ведь, не ровен час, вам самому

под венец бежать придется. Или труп вашей малышки тащить. Это уж как больше нравится...

Судя по тому, как ощутимо вокруг сжатых кулаков винтового закружилась первородная тьма, так открыто его еще не посылали. Сдается мне, если бы я сейчас качественно не зашла бы его драгоценной дочерью, то в меня бы уже летело с дюжину смертоносных заклятий, а то и чистая сила, сметающая все на своем пути.

Пока мы вели сей познавательный диалог, я лихорадочно прикидывала, как выкрутиться из ситуации. Вообще-то я хотела взять заложника, чтобы мне открыли проход обратно в мой мир. И желательно не в горящий ангар. Но что-то мне подсказывало: демон ни за что этого не сделает или...

— Ты хочешь получить свою дочь живой и невредимой? — вкрадчиво спросила я.

Бессильная ярость в глазах демона была мне ответом.

— Тогда открой мне портал в мой мир.

И тут он расхохотался.

— Демоны этого не могут, — сквозь смех глумливо и громко возвестил рогатый. — Все, у кого есть темные меты, сами проваливаются в бездну и сами же возвращаются. Это правило, которое знают все ведь...

При упоминании о мете плечо, в котором боль уже слегка поутихла, словно прижгли каленым железом. Рука дернулась, лезвие рассекло кожу на шее демоницы. Та непроизвольно пискнула, и ее отец оборвал фразу на полуслове.

— Ведьма, ты покойница, — холодно и с расстановкой произнес он, поняв, что никуда я от него не денусь.

— Ты и вправду не знаешь, как вернуться? — выдохнула заложница в унисон с папочкой.

— Знала бы, не стояла бы тут, как идиотка, — прошипела я.

— А если я подскажу, что делать, возьмешь меня с собой?

— Кардерина, только посмей... — предостерегающе начал демон.

Я отчасти понимала возмущение родителя: где это видано, чтобы жертва помогала своему мучителю? Да еще и не из ро-

мантических чувств, а, так сказать, назло. Но демоница прошептала:

— Чтобы открыть проход обратно, точно представь место, куда надо перенестись. Заложь пентаграмму векторов пространства, пересеченных с осью времени, и влей в узловую точку силу не меньше пятого уровня.

Из всего сказанного я поняла только одно: надо представить место!

И я вообразила. В красках и подробностях. В ощущениях.

Старый пирс. Выбеленные солнцем и просоленные морем доски. Волны, что набегают одна за одной, одна за одной. Море, шепчущееся с прибрежным песком, запах водорослей. Истошный, а вовсе не романтический крик чаек. Ракушки, что выбросило прибоем. Скалы бухты, проход к которой с суши перекрыт горным хребтом, а с воды — извилистый, как кишки каракатицы, и непредсказуемый. Через такой можно пройти только на шлюпе, да и то лишь хорошо зная путь.

Мою руку прошила дьявольская боль. Казалось, изнутри, из костей, наружу, к коже, вырывается что-то. Прогрызает себе путь огненными челюстями. Я заорала. Пошатнулась вместе с заложницей, которая — гадина! — еще и оттолкнулась пятками, будто пытаясь меня завалить, напрочь наплевав на то, что я могу перерезать ей горло...

И мы действительно рухнули. Лопатками я впечаталась во что-то мокрое и твердое, в ягодицу впилась то ли крупная галька, то ли ракушка. А рядом с виском, на уровне глаз, из песка торчал крупный камень.

Дыра, из которой мы вывалились спиной вперед, схлопнулась прямо перед носом демона. Но мне было не до этого. Отбросив в сторону саблю, которой я чудом не перерезала горло заложнице, я рывком оголила правое плечо. На коже, там, где всю мою жизнь красовалась печать, сейчас происходило нечто дикое: татуировка в виде черного пламени сжигала печать. Она буквально жрала ее с одного бока своими огненными языками. Печать трескалась, сочилась кровью, которая тут же запекалась, а меня раздирала дикая боль. Наконец она

накрыла меня с головой, как гигантская волна, смяла, перевернула. И я впервые в своей жизни потеряла сознание.

Сколько пролежала в бесспамятстве — сказать тяжело. Когда я очнулась, то первое, что увидела, — рассвет. Получается, что я провалялась тут всю ночь? Оставалось надеяться, что и только, а не целые сутки. А потом взгляд упал на белого кролика. Эта сволочь догрызала саблю! Сидела и нагло хрумкала. Только один эфес и остался. Скрежет стоял знатный, с длинных, острых клыков пушистой гадины аж искры летели, но она продолжала уписывать сталь, как иной заяц — капустный лист.

— Да чтоб тебя! — рыкнула я и, на ощупь найдя камень, метнула в этого проглота.

Кролик отскочил, слегка хромая. Выплюнул изо рта покоренный металл и знакомым голосом заявил:

— И не надо так орать. Мало что меня этой пакостью чуть не прирезала, так еще и сейчас едва бульжником не зашибла.

Осознание приходило медленно, но четко: этот пушистый засран... в смысле кролик — демоница. Та самая, свадебная.

— А что у тебя с лапой? — зачем-то спросила я.

Ну да. Я. Говорю. С кроликом. Точнее — с крольчихой. Веду беседу. Так и захотелось помахать рукой и добавить: «Эй-та, ты здесь?» Наверняка дарующая безумие где-то рядом.

— Я же говорю, что ты меня чуть не прирезала. Пришлось рукой за лезвие схватиться, вот и располосовало меня до кости. Так что...

— Ты, сволочь! — Я начала приходить в себя. — Это была сабля из аллурийской стали.

— Новую купишь, — невозмутимо заявил будущий воротник. — К тому же я нервничала....

— Двести золотых! — взревела я.

Крольчиха не впечатлилась. Я же, кое-как встав, подобрала эфес, потом бесцеремонно цапнула белую пакость за уши и, пошатываясь, побрела прочь с пляжа.

Крольчиха висела, поджав под себя лапы и ошалело таращась по сторонам красными глазами.

Я шла молча. Шерстяной комок нервничал. Сначала просто шевелил усами, а потом задержал поджатыми задними лапами.

— Слушай, а почему ты в свой нормальный облик не превращаешься? Ну, в рогатый? — решила уточнить я.

— Я еще не достигла совершеннолетия, — буркнула крольчиха. — И в мире людей не могу появляться в своем истинном виде... А почему спрашиваешь? — заподозрив неладное, забеспокоилась она.

— Точно не превратишься в демоницу?

— Точно!

— Отлично...

Вообще-то я должна была доставить саблю заказчику еще ночью. Но тут случился патруль и склады. Ну подумаешь, на пару ударов колокола позже приволоку заказ.

До постоянного двора, что стоял у южных ворот, я добралась быстро. Просочилась через черный ход, взбежала по лестнице и прислушалась, прильнув ухом к двери.

— Где только темные носят этого гада?! Двести золотых...

Кто-то нервно расхаживал по комнате. Хотя почему кто-то? Мой клиент.

Я постучала, как было условлено: два коротких удара, пауза, еще четыре.

Дверь распахнулась тут же, и я, широко улыбаясь, протянула вперед две руки: в одной — эфес, в другой — крольчиха.

— Ваша сабля, лэр!

Лицо господина, который усиленно изображал благородного, вытянулось, а нижняя губа затряслась.

— Что-о-о?! — взревел он.

— Сабля, — невозмутимо повторила я и буквально впихнула в руки оторопевшего мужика эфес и крольчиху.

Он машинально схватил, и тут же мои запястья на миг полыхнули огнем — исчезла клятва на крови, которую я дала: доставить заказ во что бы то ни стало. Я выдохнула. Все же хорошо, что я не уточнила срок и состояние сабли, когда произносила слова магического обета. Наивный лжелэр (при нашей первой встрече он строил из себя аристократа, а сам дер-

жал вилку за столом, как простолюдин) полагал, что я доставлю заказ к нему целым, а не по частям. Увы, он не знал, что в щекотливых делах бывают накладки.

— Как? — выдохнул он, осознавая, что двести золотых таки потеряны для него навсегда. И даже мысль о том, что неисполнительный контрабандист сдох, не могла бы согреть его душу, ибо я была живее всех живых.

— Очень просто. Рукоять тут. — Я ткнула в эфес. — А острие — в ней, — перевела перст на крольчиху. — Можете ее выпотрошить и достать...

Извернувшись, пушистая отчаянно засучила лапами, угонив лэру в грудь. Тот согнулся и разжал пальцы.

Впервые я видела, как клинок дал деру. Хорошо, часть клинка. И мне следовало сделать то же самое.

И я припустила. По коридору, прямо в распахнутое окно. Благо я отлично знала, что там, за подоконником, — конек крыши. Приземлилась удачно. Правда, в последний момент черепица под ногами все же решила, что для роли мостовой она не предназначена, и предостерегающе затрещала.

Но и я не была намерена стоять и любоваться небом. Взяв резкий старт, побежала по коньку крыши. Мой заказчик, потрясая огрызком сабли, — за мной.

Что может быть приятнее вечернего бега по крышам? Очень и очень много всего!

Перепрыгнув с двускатной на пологую, я стрелой понеслась дальше и, взяв хороший разбег, сиганула через уличный пролет. В последний момент ухватила за водосток, едва не сорвавшись на брусчатку, подтянулась и, раскачавшись, запрыгнула на балкончик. Это был один из домов Тунцового квартала, самого богатого в городе.

Я угодила в спальню. На кровати возлежала дородная дама в парчовом халате. Вернее, этим она занималась ровно до моего появления. А потом она завизжала:

— Спасите! Насилуют!

Я выскочила из комнаты и, увидев лестницу, ринулась к ней. Всего пара ударов сердца — и из дома выходил уже не пацан-оборванец, а сторбленная старушка в плаще, чепце и с

клокой. А то, что бархатной накидкой послужил плед, сдернутый с дивана, клокой — сложенный зонт, а чепцом с кружавчиками на самом деле были прихваченные панталоны, что небрежно валялись на кровати крикуньи, — дело десятое.

Заказчик так и стоял на крыше, взирая на улицу под собой с видом дозорного, который вот-вот ожидает прорыва.

Я прошла под самым его носом и двинулась вниз по улице, прихрамывая и горбясь, как и положено почтенной старушке, бормоча что-то себе под нос и глядя исключительно под ноги...

Плечо опять жгло. Уже не так сильно, терпимо. Но это не значит, что вопросы к отцу у меня исчезли. Скорее их стало только больше. Он — единственный маг, пусть и бывший, который мне мог все объяснить.

Впереди слышались песнопения. Кого-то провожали в последний путь. Впереди процессии шли плакальщицы, то прикладывая платки к глазам и подвывая молещику, то лузгая семечки.

Я посторонилась. Жизнь идет своим чередом. Смерть, впрочем, тоже. В свои девятнадцать я не раз встречала мертвецов. И не всегда покойники лежали в гробах и держали в руках сосновую ветвь, как заповедовал обычай. Нет. Я видела и растерзанных акулами, изуродованных штормом, выпотрошенных пиратами. Да и боль — с ней я тоже была знаком. Причем близко.

Мне доводилось ломать руки, вывихивать ноги, а уж сколько я получила тумачков, пока не научилась драться... Хотя если бы не отец, преподавший мне немало уроков не только кулачного боя, но и фехтования, то не дожидая бы я до своих лет. Славный порт Хорс не терпит слабаков, раззяв и чужаков. И если у последних есть шанс, то у первых двух — никогда.

Мой отец, Вицлав Кархец, бывший аристократ, ныне — запечатанный маг и беглый каторжник, которого все здесь знали как Меченого Ви, появился в Хорсе с семьей семь лет назад. Он тоже, придя сюда, напоролся в подворотне на парочку

ножей, которыми поприветствовали чужака. Но выжил и доказал, что лучше с ним не связываться...

Впрочем, доказывать пришлось не только ему. Но и матери. И мне.

Сейчас наша семья была на первый взгляд благопристойной. Впрочем, на второй — тоже. Матушка заботилась о семейном очаге, отец отправлялся по утрам в море, а их единственная дочь ходила в помощницах у золотошвейки и помогала по хозяйству.

Вот только я-то знала, что на бедре у матушки всегда пристегнуты ножны с кинжалом. У отца, будь он хоть в своей рабочей рубаше и потертом жилете, хоть в пиджаке, в котором ходил на мессу, всегда за пазухой пара метательных звезд.

Но изображать добропорядочных мы научились мастерски. Недаром моя матушка, Ева Кархец, а ныне госпожа Иридия, когда-то была знаменитой актрисой. Ее умение носить маски я унаследовала в полной мере. Как и от отца — печать.

В общем, для соседей по Минтаевому кварталу наша семья была образцово-благочестивой и порядочной. К слову, квартал был прозван так, потому что на столе у здешних жителей часто бывал минтай — рыба недорогая, но и не по медьке за ведро. Бедняки же ютились в квартале Барабульки, а вот местечковая элита одноименного с портом городка — в Тунцовом.

Процессия прошла, и я уже собиралась двинуться дальше, как в мою лодыжку впились чьи-то зубы. Я не заорала лишь по той причине, что почтенную старушку со своего насеста мог увидеть лишившийся двухсот золотых заказчик.

А дамам преклонного возраста не пристало орать, ругаться и резво скакать на одной ноге. Хотя если в ногу впиваются зубы, способные разгрызть металл, сохранить молчание очень тяжело.

Я метко ткнула зонтом в живот крольчихи. Та взвизгнула и, расцепив клыки, злобно глянула на меня:

— Поклянись, что не бросишь меня, и я не буду тебя жрать.

— Тогда взаимная клятва, — мгновенно взвесив все «за» и «против», заявила я, умолчав, что можно же не бросать. При-

чем не только вниз с балкона... Можно, например, задушить, отравить...

— Хор-р-рошо, — процедила крольчиха.

Я с прищуром посмотрела на пушистую шантажистку. Она своими красными глазками — на меня. Я — на нее. Она — на меня. Это была та ситуация, когда каждый из пройдох прекрасно понимает, что его противник может его обдурить, но верит: у него самого это выйдет удачнее, чем у соперника. Нет, надо было к заказчику тащить эту ушастую не в живом виде, а в трупном. Проще бы в сто раз было.

И почему только удачная мысль приходит опосля? Хотя если учесть, что удачно в моей жизни всегда складывался только зонт. И тот — в ливень...

Но делать нечего. Когда к твоей ноге приставлены зубы, способные перемолоть металл, приходится вступать в переговоры...

Договор скрепляли быстро и на словах. Никакой крови, хотя крольчиха все порывалась мне ее пустить своими резцами. Условились на том, что меня в случае неисполнения будет преследовать невезение (как будто мне вот прямо сейчас крайне везло!). Я же потребовала, чтобы крольчиха мне не мешала и вообще не путалась под ногами. Иначе ходить ей в пушистой белой шкуре до конца своих дней.

В итоге эта паразитка, после того как мы заключили сделку, еще и на руки попросилась. Я бы с большей радостью пнула ее, но именно в тот момент мой бывший клиент как-то подозрительно уставился в нашу сторону. Пришлось брать ее на руки, кряхтя и маскируя под бормотание старушки отборные проклятия.

— Слушай, ведьма, хватит меня проклинать, — не выдержала крольчиха и цапнула за палец. Не больно, но ощутило. — Я хоть и чистокровный демон и мне сквернословие что быку комариный писк, но все же ухо вон уже чешется.

И она выразительно поскребла задней лапой по своему лопушку.

— Какая я тебе ведьма! — возмутилась я. — Я честная контрабандистка!

— Честная контрабандистка? Это как целомудренная одалиска? — оскалился комок шерсти, явно стремясь к почетной должности воротника.

— Нет. Это как то, что я — светлая. У меня отец — бывший белый маг. А мама — и вовсе человек. И я не ведьма. Это ясно? — Под конец я зашипела и так стиснула крольчиху, которую держала в руках, что та засучила лапами.

— Ага. Светлая. То-то светлые к нам во мрак проваливаются каждый день по дюжине!

— Правда, что ли? — Я приподняла бровь.

— Нет! — не выдержала моя «зая». — Когда я сбежала с брачного капища, думала, что мне подвернется приличный темный маг или ведьма, с которой я смогу сторговаться, чтобы меня перетянули в мир за преградой...

— А случилась я.

Так, слово за слово, по дороге домой я выяснила, зачем этой мечегрызущей твари я нужна была позарез, да и в целом узнала кое-что о быте и нравах демонов.

Моей новой знакомой (век бы ее не знать!) Кардерине, или проще — Каре, вчера стукнуло аж целых семнадцать лет — первое совершеннолетие у демонов, когда им уже можно вступать в брак. Но своего голоса чада еще не имеют, что весьма удобно для их родителей, которые могут отдать свое дитя замуж или женить против его воли, продать или же вызвать на бой, чтобы прикончить. Да-да, именно прикончить!

Такому варианту я поразились, но для Кары все было логично.

До первого совершеннолетия молодые демоны неприкосновенны для родителей. И дело тут не в тонкой душевной организации юных чад и подобной трепетной дури. Просто не все рогатые любили своих отпрысков. Скорее, наоборот, истинная любовь случалась с обитателями бездны редко, а лелеять свое дитя, рожденное от нелюбимых, тяжело. Демонская натура такова, что многие отцы в порыве гнева могли и удавить своих наследников. Потому-то и существовал закон, который гласил: «Нельзя трогать юного демона до семнадцати лет». А уж как дитя повзрослело, его разрешалось и на бой

вызвать. Хотя случалось и обратное: когда наследники вызывали родителей на поединок. И даже побеждали. В общем, теплые семейные отношения царили в бездне. Прямо горячие.

— А тебя твой отец тоже... — заговорила я.

— Мой меня любил, — перебила крольчиха. — По-своему. И счастья мне желал. Также по-своему. Просто у нас разные представления о том, какое оно, это самое счастье. Для него — чтобы я была спутницей одного из верховных демонов мрака.

— А для тебя?

— А я не хочу всю оставшуюся жизнь провести рядом со стариком, запертая в четырех стенах. Рашриму больше восьми сотен лет. Он даже своих любовниц — и тех держит взаперти, поскольку жутко ревнив. Да, богат. Да, властен... Но я для него всего лишь способ объединить власть двух родов: моего и своего.

Кара говорила запальчиво. Сначала я подумала, что она преувеличивает... Но демонесса поклялась, что не врет. Когда ее жених сам ей пообещал, что прикует ее браслетом в спальне и не выпустит, пока она не забеременеет... отец лишь посмеялся над страхами дочери, сказав, что Рашрим поступает мудро: собственная жена демона, мать Кары, сбежала от него, едва та родилась. А все потому, что он был неосмотрителен и давал свободу супруге.

В общем, теперь я понимала стремление Кары к свободе. Пусть даже удрать к людям (в мир за преградой, как его называли демоны) — и не самая блестящая идея. А не блестящая хотя бы потому, что теперь ей от меня, как от ее проводника в нашем мире, нельзя отдаляться. Тут уж не до путешествий по другим городам. Максимум — пять полетов стрелы или два квартала. Иначе может утянуть обратно. А там — пир, свадьба, радостный отец, ждущий блудную дочь, супруг, кандалы...

— Я вот только одного не пойму: почему твоя шерстка молочного цвета? — не удержалась я.

Вопрос, конечно, глупый. Но кто сказал, что любопытство и рациональное мышление должны быть рядом?

— Потому что я была в свадебном платье! И когда превратилась в эту пакость... — Крольчиха с отвращением зашевели-

ла усами. Видимо, шкура ей не очень нравилась. — ...То брачный смысл остался, а вот цвет поменялся... Ну кто же знал, что у вас, светлых, брачный наряд траурного молочного оттенка? — возмущенно сказала она. — А не нормального, черного!

М-да... Такого выверта кроличьей логики я не ожидала. Но у меня самой вообще не было никаких вариантов, почему пушистая шкура у нее оказалась молочно-белой, посему... Как говорится, полный бред, подведенный под научную основу, уже не бред, а гипотеза.

Я свернула в один из переулков. Высокие стены из серого камня, затхлый запах сточной канавы, что журчала невдалеке. Зато так, напрямую, было быстрее. Стуча сложенным зонтом, как клюкой, и прижимая к груди крольчиху, я целенаправленно шла к площади. А точнее — к храму.

Не сказать чтобы жители приморского городка были уж больно набожны. Но лично я мессы любила и старалась не пропускать: у местного храмовника был на редкость усыпляющий монотонный голос, посему во время проповедей я отлично высыпалась. Главное было занять удобную диспозицию, а уж там...

Впрочем, сейчас меня обуяло отнюдь не стремление причаститься. Или поспать. Просто под второй скамейкой с правого края лежала спрятанная одежда. Моя. Я ее часто там оставляла. Это было совершенно безопасно. Храм в приморском городе — не самое посещаемое место. Кабаки в порту пользуются куда большим спросом... К тому же было весьма удобно переодеваться в нише, за статуей богини Паринкры, которая отвечала за плодородие. Она и сама была широка, а уж ее плащ и вовсе закрывал обзор любопытным. Если бы те оказались рядом. Но за все пять лет я таковых ни разу не видела.

Чем ближе подходила я к храму, тем сильнее чесалось плечо. А потом и вовсе начало жечь. Да и мне самой, едва я вошла на мраморные ступени, как-то резко поплохело.

— Я же говорю, что ты ведьма, — убежденно встряла крольчиха. — А ты не веришь!

Я ничего не ответила. Лишь привалилась спиной к одной из колонн. А ведь эта мелкая пакость права: только темным дурно становится в доме светлых богов. Но этого быть не может! И я упрямо, скорее пытаюсь убедить себя, чем Кару, прошипела:

— Я не могу быть темной! Я даже писание знаю. Молитвы там. Даже два абзаца из жития святой Иоганны...

— Ну, значит, будешь ведьмой, цитирующей священное писание. — Крольчиха развела лапы в стороны, дескать, что такого-то.

А у меня дрожали руки, подгибались колени, а голова и вовсе готова была разорваться от боли. Пульс стучал набатом, и было ощущение, что череп сейчас затрещит по швам. В мозгу очумелой перепелкой билась одна мысль: как мне достать собственную одежду?!

Сглотнула, выдохнула и отлепилась от колонны. Чуть шершавый, нагретый за день жарким южным солнцем мрамор оставлять не хотелось. И правильно не хотелось. Едва я оказалась без опоры, как тут же пошатнулась. Но сцепила зубы. Как там говорят северяне? «Даже снег, падая, продолжает идти». Чем я хуже снега?

И я пошла. Шаг за шагом. Преодолевая боль и налегая на свою импровизированную трость, словно древняя старуха, я доковыляла до дверей. Еще никогда семь шагов не давались мне так тяжело.

Крольчиха, до этого стригшая ушами на моей руке, вдруг резко сиганула на пол.

— Ты что, ненормальная?! Тебе сюда нельзя! — заверещала она и даже лапой о мраморную плиту ударила.

— Ну, значит, ты сходи, забери мой сверток, — прошипела я.

— Может, мне, чистокровной высшей темной, еще и молебен вместо храмовника отслужить? Да если я сюда войду, то этот сарай развалится.

Словно вторя ее словам, над дверью от косяка и выше начала расплзаться трещина.

Да что же у меня все так неудачно? Вчера склад взорвала, сегодня вот храм...

— Не пуцу! — оскалилось пушистое недоразумение и попыталось заступить мне дорогу.

Но тут дала о себе знать клятва, ударив ее разрядом в зад. Кара возмущенно взвизгнула, но поняла, что помешать мне не сможет.

— Ладно, суицидница, я тебя у ступеней подожду. Может, у тебя и получится, ты же вроде не полностью инициированная... — С этими словами крольчиха развернулась и, подкидывая зад с пушистым хвостиком, поскакала по ступеням вниз.

Я вдохнула, выдохнула и дрожащей от напряжения рукой взялась за ручку двери.

Как добрела до этой демоновой скамьи — не помню. Голова раскальвалась, из носа начала сочиться кровь. Казалось, все мое естество выворачивает наизнанку. Сграбастав сверток, я устремилась к выходу. Ну как устремилась... Улитки ведь тоже наверняка думают, что они те еще бегуны по сравнению с камнями. И сейчас я искренне надеялась, что я все же быстрее, чем эти слизни с раковинами.

Когда я вновь оказалась на улице, крольчиха сидела на нижней ступени храма и с грустным-прегрустным видом жрала окорок. Где эта прохиндейка добыла явно дорогой кусок свинины — вопрос отдельный. Но то, как Кара это делает — вздыхая, свесив длинные уши....

— Ты чего это? — удивилась я. Голос отчего-то изменил мне и вышел сиплым.

— Поминки, не видишь, что ли, — не оборачиваясь, истинно по-демонски рыкнула Кара. — Иди давай, куда шел...

И она вновь впилась зубами в мясо.

— А кого поминаешь?

— Свою загубленную молодость. Ну и заодно — одну дурю...

Она не успела договорить, как до нее дошло, что, собственно, одна альтернативно одаренная еще вроде как жива и стоит у нее за спиной.

— Ура! Не сдохла! — заголосила Кара так, что редкие прохожие заоборачивались.

Правда, она поумерила свою радость, когда внимательно посмотрела на меня. По ее словам, я отличалась от зомби лишь тем, что могла связно говорить. В остальном — типичный мертвяк с кожей симпатичного зеленоватого оттенка, с холодными руками и бескровными губами.

За комплимент я Кару конечно же поблагодарила, показав кулак, который та с энтузиазмом обнюхала. Нахалка!

— Труп познается в еде! — заявила я и затребовала у крольчихи половину ее добычи.

На удивление она поделилась:

— На, тебе сейчас нужнее.

До ближайшей подворотни мы шли молча. Я несла в одной руке окорок, второй опиралась на зонт. Кара тащила в зубах сверток с моей одеждой.

Скрывшись от людских глаз, я переоделась и поела. Первый раз за сутки. Не сказать чтобы это сильно помогло восстановить силы, но руки хотя бы уже не тряслись.

Домой я возвращалась, усиленно улыбаясь вечернему небу, раскланиваясь со знакомыми, что встречались по пути, и вообще изображая в меру счастливую благовоспитанную девицу. Но кто бы знал, каких усилий мне это стоило. На дне холщовой сумки, перекинутой через плечо, обретались порванная рубашка, штаны, рыжие ботинки и крольчиха с мослом, оставшимся от окорока.

И лишь когда я переступила порог дома, то смогла выдохнуть и облегченно прислониться спиной к двери.

Отец, вышедший мне навстречу, без слов обнял, будто не чаял уже увидеть живой. Я растерянно обняла в ответ. На глазах неожиданно выступили слезы, и я поспешила проморгаться. Зато матушка, вырулившая в коридор из кухни, была куда речистее. За пару ударов сердца я узнала о себе много нового. И что я негодница, и что паразитка еще та, и что... В общем, матушка выражала свое беспокойство, как могла. А в том, что она переживала за меня и любила, я не сомневалась никогда.

— Ты знаешь, что вчера сгорели три ангара? Полыхало так, что от зарева светло было как днем! А еще этот маг, что прибыл по приказу императора, чтобы бороться с контрабандистами... — сердито начала матушка и потом чуть тише добавила: — Упокой, небеса, его душу... А ты ушла на дело. И тебя все нет... Что я должна была думать? Каким богам или демонам молиться?

— Скорее демонам, — перебила я.

— Что? — тут же напрягся отец.

— Знаете, кажется, я должна вам кое-что рассказать. И показать тоже.

И тут в сумке завозилась крольчиха, а потом и высунулась с ощеренными клыками, державшими мосол. Отец непроизвольно сложил пальцы щепотью, как вчерашний маг, но остановился, вспомнив, что он давно не чародей. Вторая же его рука потянулась за пояс, к метательным звездам.

— Крис, замри, я сейчас его убью...

— Не надо! — устало выдохнула я. — Давайте лучше чаю поьем...

А спустя два удара колокола, когда был уже выпит не только чай, но и бутылка гномьего первача, потому что отцу «не думалось о таком на трезвую голову», я узнала кое-что интересное о себе.

Чуть больше девятнадцати лет назад, когда мой отец сбежал по дороге на каторгу, они с моей мамой скрывались от ищеек Ароса Бранда, верховного инквизитора его величества. И случилось так, что я решила появиться на свет чуть раньше срока.

Приграничье. Лес. Излом зимы — то время, когда по легенде идет Дикая Охота и всадники Вечного Холода ищут заплутавшие души. А у моей матери схватки. Как отец, уже будучи запечатанным, без толики магии смог найти дорогу к выселку, он и сам до сих пор не понимал. Ему тогда было все равно, у кого просить помощи для жены, роды которой оказались тяжелыми. Будет повитухой светлая — хорошо. Ведьма — тоже хорошо. Главное, чтобы спасла любимую и ребенка.

Старая ведьма, согласившаяся принять дитя, была темной. Я же никак не желала появляться на свет. А когда все же родилась, то была... мертвой. Душа еще не отлетела далеко, и ведьма смогла вернуть ее в тело ребенка. Но расплатилась за это своим даром, вычерпав его до дна.

— Она вдохнула в тебя тьму, — устало произнес отец. Он сидел за столом и задумчиво разглядывал кружку. — Старая Крисро отдала за твою жизнь самое ценное, что у нее было — остатки своего угасающего дара.

— Так меня назвали в ее честь?

— Да. Но я не думал, что ее слова, которые она произнесла, провозжая нас на пороге своего дома, окажутся пророческими.

— И что она сказала? — Я даже подалась вперед.

— Что она ни о чем не жалеет. И что дар всегда найдет способ сломать преграду, — опередила отца мама, вставая из-за стола.

Она в абсолютной тишине наполнила чайник водой и поставила его на камень. Щелкнула по мордочке ленивую саламандру, что дремала в ближнем углу печи. Та, неохотно переставляя лапы, побрела кипятить воду.

— Лентяйка, — проворчала мать. Она всегда ворчала, когда нервничала. — И за что только я ее держу?

Как по мне, наша саламандра, раскормленная и избалованная мамой до безобразия, просто обнаглела в корень.

— Судя по всему, Крис, та капля тьмы, что досталась тебе при рождении, переплавила твой светлый дар в темный, — задумчиво сказал отец. — А запечатана у меня и у моих потомков была лишь светлая магия. Поэтому мета и смогла сожрать печать.

О метах, точнее, магических метках я слышала. Отец как-то рассказывал, что такие есть у всех магов. У драконов в человеческом облике — маленькие татуировки в виде символов магической сути. У неиницированных оборотней — щенки. У ведьмы — плющ, у некроманта — ястреб.

— А черное пламя — это чья мета? — Я подняла взгляд на хмурого отца.

Но ответить он не успел. На этот раз его опередил голос из-под стола.

— Пожирателя душ. А точнее — пожирательницы, — радостно сообщила Кара.

Может, и стоило замереть в дверях, чтобы метательные звезды отца пришили эту пушистую пакость?

Но крольчиха, словно не чувствуя никакой угрозы, продолжала невозмутимо глодать под столом мосол.

— Плохо. — Отец сжал пустую кружку, что стояла перед ним.

Да так сжал, что она пошла мелкими трещинами и раскрошилась, порезав его ладонь. А он будто и не заметил этого.

— Что именно плохо? — осторожно уточнила я.

— Плохо, что твоя мета сожрала печать. Теперь ты не только дочь осужденного, но и сама преступница. Поскольку взлом печати — одно из страшнейших преступлений в Светлой империи. И не важно, как это произошло. От сломанной печати остается хвост, по которому тебя легко найдут.

— И тогда в Темные земли... — то ли вопросительно, то ли утвердительно сказала мама, ставя на стол вскипевший чайник.

— Сейчас Черный властелин и Светлый владыка вовсю изображают дружбу. До зубовного скрежета, — мрачно сказал отец. — Если Крис поймают темные, то они с радостью сдадут ее светлым дознавателям. По дружбе...

Последние слова он словно выплюнул.

— А они обязательно поймают. Пожирателю душ тяжело скрыть свой дар, а уж с маяком в виде сломанной меты... — поддакнула крольчиха.

Я не выдержала и, нагнувшись, заглянула под стол:

— Слушай, зайныка, а тебе, часом, шкурка не жмет?

Кара опешила. Даже мосол выронила. Впрочем, она быстро пришла в себя и опять невозмутимо захрупала, изображая, что она вовсе не плотоядная, а обычная такая крольчиха, которая грызет морковку. Морковку из трубчатой кости...

— Есть один выход. — Отец побарабанил пальцами по столу. — Но мне он не нравится.